

Народы и цивилизации могут жить рядом,
как добрые соседи, оставаясь при этом разными

А.А. Галкин, доктор исторических наук

Мы заслушали блестящий, хорошо продуманный, логически выстроенный доклад. Следить за мыслью докладчика было очень интересно, за что ему следует сказать спасибо. Это, разумеется, не означает согласия с содержанием его построений. Они основаны на системе утверждений, которые докладчик провозглашает аксиомами. Но то, что он считает аксиомами, является, в лучшем случае, гипотезами, которые нуждаются в доказательстве. Между тем, докладчик даже не пытался этого сделать. А без доказательств все, что он сказал, остается лишь «игрой ума», версией, способом обоснования и оправдания собственных ценностных установок.

Внимательно рассмотрев предложенные гипотезы, их нетрудно опровергнуть. Возьмем для примера три из них, представляющиеся наиболее существенными.

Обосновывая неприятие того, что докладчик считает тлетворным западным влиянием, он выстраивает следующую систему рассуждений. Запад издавна воздействовал на нас двояко: технологически и духовно. Первое воздействие можно с оговорками определить как полезное, второе — как абсолютно негативное. Позитивное значение воздействия Запада в технологической сфере до поры до времени в какой-то мере оправдывало сотрудничество с ним, несмотря на носимый нам вред в духовной области. Но так было до тех пор, пока на Западе эпоха модерна не сменилась эпохой

постмодерна. На этой стадии негативным, разлагающим для нас стало его не только духовное, но и технологическое воздействие. Поэтому любые контакты с Западом наносят лишь вред.

Ознакомление с изложенной системой утверждений незамедлительно порождает сомнение: правомерно ли доказывать тезис, ссылаясь при этом на иной тезис, который сам нуждается в том, чтобы быть доказанным? Народы и страны, находящиеся в географической близости, всегда оказывали друг на друга многообразные влияния — даже в тех случаях, когда вступали в конфликты. С точки зрения сегодняшнего дня, одни из этих влияний можно определять как позитивные, другие — как негативные. Однако придавать тому или иному влиянию извне абсолютный характер, распространяя его чуть ли не на тысячелетие, — значит грешить против исторической истины.

Но дело в данном случае не только в этом. Чтобы доказать опасность контактов с Западом (а наши отношения с ним продолжались и развивались на протяжении многих столетий), нам рисуют образ некоего страшного монстра, определяемого как *«постмодерн»*, который, утвердившись на Западе, придает контактам с ним смертельную опасность. Между тем, уязвимость подобной системы рассуждений в том, что в действительности вступление западного общества *эпохи модерна в эпоху постмодерна* — миф, в который верят немногие, не очень сведущие псевдоинтеллектуалы. «Ужасный» постмодерн — всего лишь определенное (но никак не определяющее) явление в сфере западной культуры. Почему оно должно мешать нашим контактам с Западом — представляется в этой связи неясным. Как любили в свое время говорить в Китае, «тигр-то бумажный»...

Можно согласиться с докладчиком в том, что подражать во всем Западу — глупо. Этому учит и многолетний исторический, и современный опыт. Но это уже «сцена из другой пьесы», тема совсем другого разговора.

Аксиома вторая — о неизменности нравственных ценностей. Да, у разных стран, — а, тем более, цивилизаций — в результате различного исторического опыта складываются не только сходные, но и различные ценности. В конечном счете, они становятся элементами массового общественного сознания, обладающего значительной инерцией.

Ход событий привел к тому, что утвердившиеся у нас ценности в чем-то совпадают, а в чем-то не совпадают с теми, которые принято сейчас называть западными. Это факт, от которого не уйдешь. Сложившиеся различия нельзя игнорировать. Вместе с тем, их не следует и абсолютизировать. Народы и цивилизации могут спокойно жить рядом, как добрые соседи, оставаясь при этом разными. Напротив, попытки их ценностной унификации никогда и никому не приносили пользы.

Не следует забывать и того, что сами по себе ценности хотя и инертны, но и не инвариантны. Со временем, под влиянием обстоятельств они видоизменяются, модернизируются, уступают место иным, иногда противоположным. Кстати, то, что именуют сейчас западными ценностями, не всегда было присуще странам Западной и Центральной Европы. Значительная часть этих ценностей — детище второй половины XX в. В первой половине века их набор существенно отличался от того, который сложился ныне. А еще раньше — был даже совсем иным.

Докладчик ссылался здесь, в частности, на семейные ценности. У нас, де, сохраняется традиционный подход к семейным отношениям, в то время как на Западе семья как первичная ячейка общества исчезает. Но, как уже упоминалось в ходе дискуссии, размывание и распад патриархальной семьи на Западе происходили на глазах не только нашего, старшего, но и среднего поколения: в конце 1960-х — начале 1970-х гг. Кстати, в ряде стран — членов Евросоюза (на юге Италии, в сельских районах Италии и Португалии, на Балканах, в восточной части Польши и т. д.) традиционные патриархальные

семьи все еще сохранились. В свою очередь, у нас — по мере прогрессирующей урбанизации страны — традиционные патриархальные семьи исчезают. И происходит это очень быстро.

Докладчик ссылался на то, что на Западе нашел широкое распространение и утвердился индивидуализм, в то время как у нас доминирует такая ценность, как соборность (говоря иначе — коллективизм). Так ли это на деле? У немцев есть выражение «Wunschgedanke» — «мысль, порожденная желанием». Так обычно характеризуют утверждение, отражающее не реальность, но ее имитацию, возникшую на основе ценностной установки. Не имеем ли мы дело в данном случае с аналогичным явлением? Специалисты, исследующие общественное сознание, утвердившееся в нашем обществе, единогласно утверждают, что индивидуализм — причем в крайних формах — распространен у нас значительно шире, чем в западных обществах, в том числе и в кичащихся своим традиционным индивидуализмом Соединенных Штатах. В этом могли, наверное, убедиться на личном опыте и все (или почти все) участники нашего семинара. То, что докладчик именуется соборностью, сохранилось лишь в глухих аграрных районах Европейского Севера и Сибири и, разумеется, в тех книгах, авторы которых строят свои теоретические конструкции, опираясь на это понятие.

Согласно третьей аксиоме, цивилизационные ценности лежат в основе конкретных интересов, а, следовательно, определяют не только внутреннюю, но и внешнюю политику государств. Это очень значимое утверждение. Из него вытекают существенные практические выводы. И без серьезных доказательств тут также не обойтись.

На эту тему мы, вроде бы, говорили на прошлом семинаре. Вправе ли мы утверждать, что цивилизационные ценностные различия представляют, если не определяющий, то, по меньшей мере, важный фактор межгосударственных конфликтов? Убежден, что нет! Чтобы убедиться в этом, доста-

точно освежить в памяти историю человечества. Конечно, в прошлом были и межцивилизационные войны. Тем не менее, большинство войн, известных нам из истории, были внутрицивилизационными — особенно на протяжении последних столетий. Это настолько очевидно, что не требует подтверждения примерами.

Дело в том, что конкретные государственные интересы, в том числе внешнеполитические, если и связаны с ценностями, то очень опосредованно. В гораздо большей степени эти интересы формируют и интенсифицируют иные, более конкретные импульсы — геополитические, политические, экономические. Если они совпадают с ценностными, то последние выпячивают и используют в качестве средства идейной мобилизации населения. Если не совпадают — их просто замалчивают.

Если представится возможность, то разговор на затронутые темы стоит продолжить. Подробного рассмотрения заслуживают и другие аксиомы, на которых настаивает докладчик. Немаловажное значение имеет то, что аналогичный разговор ведется не только на нашем семинаре, но и в обществе в целом.